

Литературная Страница

Н. Ариовшкин

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Мы начинали первыми наш город, степную тишь взрывая и тесня. И каждый был из нас красив и молод, а молодость была сильнее огня. Пусть ветры нас свирепые качали, пусть были камни рудные острые. Мы устояли, мы не подкачали, и домны встали у Магнит-горы. Пусть адской жизнь казалась нам порою, и пусть усталость нас сметала с ног. Мы крепко знали то, что, город строя, в социализм делаем рывок. А жили мы в палатках по-солдатски, делили в шутку поровну мороз. И рос по-богатырски город братский, любимый город наш — Магнитогорск. И вот стоит — красавец в самом деле, его в мечтах мы видели таким... Прошло немало лет, мы постарели, но город будет вечно молодым.

В редакцию газеты «Магнитогорский металл» поступают все новые произведения на конкурс «50 лет ВЛКСМ».

Сегодня мы публикуем часть из присланных материалов.

Фотоэтиюд В. БОГОМОЛОВА.

Р. Дышаленкова

КОМИССАР

Я надену куртку кожаную, старую, красную косынку строго повяжу... В песнях революции шагают комиссары, я на них сквозь время с гордостью гляжу. Вовне долговязому, нашему комсору, я скажу приветливо: — Здравствуй, комиссар! Сразу возмужают кудри его светлые, полыхнет глазами революций жар.

И кому из нас, восторженных, не снится эта жизнь орлиная, пламенная смерть? И уходят девочки вдаль за синей птицей, мальчики готовятся в бессмертие взлететь. Я за сердце чистое, и подвигу готовое, выдавала б юности, как священный дар, это слово алое, званье вечно новое, званье комсомольское — Комиссар!

МНЕ ВСЕ ПО ПЛЕЧУ

Прозревшей и скорбной, мне все по плечу, я жизни, я песни высокой хочу. Хочу этот мир, как себя, понимать, как ветер, хочу по планете шагать. Хочу говорить, или — да, или — нет, чтоб слышал меня сенокосный рассвет. Чтоб слышали семь молчаливых планет: нас хватит на многие тысячи лет! Я вижу, как юности крепнет рука, со мной говорят, доверяясь, века.

И снова звенит золотой звездопад... встает из ковыльных окопов солдат. Мне рядом с трагической тенью отца за правое дело шагать до конца. Последним его напряжением жить, взлетать на его и свои рубежи. Мне не таить негодующий стон, колени клонить у бессмертных знамен. Прозревшей и светлой, мне все по плечу: я жизни, я песни высокой хочу.

Ю. Мишин Рассказ ОРУДИЯ НАЦЕЛЕНЫ В НЕБО

ТИШИНА... КАК ОНА НЕПРИВЫЧНА! А стволы пушек смотрят в небо... Как-нибудь три часа назад все вокруг грохотало и ухало. Земля, искалеченная, изрытая, заваленная обломками кирпича, шифера и стекла, едва успокоившись, нервно вздрагивала. Орудийные раскаты слышались где-то далеко, может быть за десятки километров от этого старого немецкого города. Будто стремительно пронеслась по небу тяжелая грозовая туча, оглашая громом окрестности, и чем дальше уносилась она, тем тише становился гром.

Капитан Ведерников уже давно привык к этому грохоту. Он сам командовал батареей, прошел с ней тысячи километров. Батарея не раз отличалась в бою: широкую грудь капитана украсили два ордена «Отечественной войны» и орден «Красной звезды». Здесь, на подходе к Берлину, канонада не умолкала ни днем, ни ночью. И вдруг тишина. Она удивляла. За молчали орудия, словно устали от непрерывного грохота. Капитан стоял, облокотясь о замок орудия, и неторопливо курил. Батарея располагалась в роще на берегу реки среди искореженных снарядами и бомбами деревьев. Неподдалеку темной скалой поднималась громада средневекового замка. Капитану вспоминалась родная Магнитка.

Прошло уже шесть лет, как он уехал из дома. Провожали его мать, отец, ребята из доменного цеха. Пока ехали в трамвае до вокзала, мать была спокойной. На вокзале же, словно какая-то плотина прорвалась, кинулась к Николаю и, судорожно вздрагивая, повисла у него на шее:

— Сыночек, Коленка!

Он взял мать за плечи.

— Мама, не надо так, — успокаивал Николай. — Не надо, мама. Ведь не на войну же я еду. Ничего со мной не случится.

— И то правда, мать. Три года не такой уж большой срок. Зачем так надрываться?

Это подошел отец. Он был на целую голову ниже Николая. Ранен, полученные на гражданской, трудная жизнь слишком рано согнули его и состарили.

Был тогда на вокзале и еще один дорогой Николаю человек — его девушка. Она стояла в сторонке и стеснялась подойти. Он познакомился с ней как раз перед отправкой в армию, и его родители не знали ее.

Объявили посадку.

— Пусть он простится с невестой-то, — чуть слышно проговорил отец. Мать, продолжая громко всхлипать, согласно кивала.

Николай подошел к Шуре, крепко обнял ее и поцеловал:

— Вот, Сашенька, я и уезжаю. Ты ведь дождешься меня?

Саша ничего не сказала. Но Николай и не стал ждать ответа. Увидев слезы на ее глазах, он и так все понял. В вагон вскочил, когда поезд уже пошел.

— Коля, покажи там, что такое Магнитогорский комсомол!

— Шпиона поймай!

— До генерала дослужись! — кричали ребята.

Нет, не через три года вернулся домой Николай. Как раз в то время, когда подходила к концу служба, грянула война. Встреча с родными и близкими отдалась на неизвестный срок. Многие пережили и испытывали Николай Ведерников за это время.

В первый же месяц войны погибла Шура. Она ушла добровольно на фронт, санитаркой. Погибла под бомбежкой, вынося раненых из горящих вагонов. Потом зимой сорок второго умерла мать. Весть эта настигла его, когда он воевал под Сталинградом.

Сталинград... Хорошо поработала там его батарея. Именно за бой под этим городом и получил Николай свой первый орден. А потом ранение, госпиталь. Снова бои, жестокие, кровопролитные. В одном из них и познакомился Николай с медсестрой из медсанбата Валей Веткиной...

ОХВАЧЕННЫЙ ВОСПОМИНАНИЯМИ, Николай не заметил, что папироса кончилась, вздрогнул, когда ожгло пальцы. Еще раз затянулся, затушил окурок о каблук сапога, отшвырнул его в сторону и оглянулся. Вокруг в самых живописных позах спали солдаты. Тихо... Слышится чей-то храп. Вот возле лафета, подложив под голову вешешок, спит самый молодой, Петя Ланцов. Спит, как уставший ребенок с открытым ртом. По его щеке поползла муха. Подползла к верхней мальчишечьей губе, заглянула в рот и остановилась, перебирая лапками. Петя не шевельнулся. Спал мертвецки. Ему, наверное, особенно трудно было переносить бессонные ночи.

Ведерников раскрыл планшет, достал старые, истертые письма, начал перечитывать их. Вот последнее письмо из Магнитки. Начальник цеха сообщил о гибели отца. Авария на мартене... Нет, не просто случайность. Сказалось перенапряжение, усталость. Они там — герои! Все — для фронта. Судьба... судьба. Нет Шуры, умерла мать, погиб отец. Остался один-одинешенек. Может и сам еще погибнуть... война! Она и в последний день не пощадит...

И вдруг выстрелы, крики «ура». Солдаты один за другим вскакивали. Ведерников выскочил из-за деревьев и едва не столкнулся с лейтенантом Волгутовым. Лицо

лейтенанта сияло. Не успел Николай спросить в чем дело, как лейтенант выпалил:

— Товарищ капитан, война кончилась... Победа!

Ликование продолжалось весь день. В подвалах замка нашлось доброе вино.

Капитан Ведерников был вместе со своими бойцами и радовался тому, что их суровые, усталые лица преобразились. Даже самый старый в батарее солдат, по фамилии Юртаев, почти всегда молчаливый, в этот день говорил без умолку, развалившись в пыльном кресле в одной из уцелевших комнат замка.

— Ты, как немецкий барон, — сказал ему, улыбаясь, Николай.

— Неужто похож?

— Вылитый барон.

— Ну, а чем мы хуже баронов? — сказал Юртаев, расправляя пышные с проседью усы и еще удобней располагаясь в кресле. Но вот лицо солдата посерьезнело, он резко изменил позу, затем встал. Капитан обернулся и увидел адъютанта командира полка — красивого подтянутого офицера.

— Товарищ капитан, зайдите к полковнику.

Капитан одернул гимнастерку и быстро зашагал вслед за адъютантом.

Полковник пил чай, положив на край стола правую забинтованную руку. Чай был, видимо, горячий, и полковник дул в стакан, стремясь его остудить.

— Я тебя вот по какому делу пригласил, — заговорил он негромко, словно поручал капитану что-то очень важное. — Поезжайте с Сашей в медсанбат, пригласи девочек. Пусть поучат солдат танцевать.

Капитан опешил. Очень уж необычным было предложение.

— Да, да поезжайте.

И вот они с адъютантом мчались по городской улице, то и дело объезжая груды камней. Всюду встречались весело болтающие солдаты.

— Даже не верится, что вся эта мясорубка кончилась, — сказал Саша — Как устали уже все. По-моему близость смерти меняет характер даже у очень смелых людей. Души делаются черствыми, холодными.

— Нет, Саша, я с тобой не согласен. Большинство людей и на войне оставались мягкими, может быть, даже слишком.

(Продолжение следует).